Елена Арсеньева

Браки совершаются на небесах

Исторические повести любви

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Во многих сказках царский сын непременно едет добывать невесту в тридевятое царство, в некоторое государство. Сказка, как известно, ложь, да в ней намек... Издавна цари и царевичи, короли и королевичи, а также герцоги, князья и прочие правители искали невест вдали от родных пределов. Почему? Да потому, что не хотели, чтоб измельчала порода. А еще хотели расширить связи своих государств с тридевятыми царствами.

- Елена Арсеньева
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17

Елена Арсеньева
Викинг и Златовласка из Гардарики
Елизавета Ярославовна и Гаральд Гардрад

Солнечный свет не проникал в подземную темницу, зато один ее угол облюбовала себе змея. Сначала Гаральд только слышал ее шипение и никак не мог взять в толк, что это за звук раздается. Потом, когда глаза освоились с темнотой, разглядел в углу тугое тело, отливавшее тусклым блеском. Змея лежала тихо, но иногда поднимала голову и начинала тихо, сипло шипеть. Гаральд постоянно чувствовал на себе ее немигающий взгляд. Его словно все время кто-то крепко держал за руку. Иногда эта хватка ослабевала – когда змея исчезала. Наверное, она уползала куда-то в тюремную нору, небось мышей ловила, крыс или что они там жрут, змеи? Когда возвращалась – сытая, довольная, – шипела тише, почти усыпляюще. Гаральд понимал – теперь можно уснуть без опаски. Тварь не тронет! За четверо суток в подземелье слух Гаральда обострился до того, что он различал малейшие оттенки ее шипения, словно она была не змеей, а флейтой, одной из тех, на которых так искусно играли музыканты во дворце императрицы Зои. Ну а если змея

вдруг начинала волноваться, поднимала голову и раскачивалась, словно готовилась броситься на своего невольного соседа, Гаральд сам усыплял ее: почти так, как усыплял змею африканский колдун, виденный Гаральдом на Сицилии. Только тот играл на длинной дудке – тоже что-то вроде флейты, а у Гаральда имелась только музыка слов. Поэтому он снова и снова бормотал свои Висы радости, которые именно тогда, в темнице, начали слагаться в голове:

Я в мирных родился Полночи снегах;
Но рано отбросил успехи ловитвы,
Лук звонкий, и лыжи, и в грозные битвы
Вас, други, с собою умчал на судах;
Но тщетно за славой летали далёко
От милой отчизны, по диким морям;
Но тщетно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорствуют нам, —
А дева русская Гаральда презирает… [1]

Ох уж эта дева русская! Все из-за нее, из-за ее зеленых глаз и золотых кос! Такого дивного, обворожительного цвета Гаральд не видел нигде и никогда. Сестра Елизаветы, Анна, была просто рыжей – как белка, как лиса, другая сестра, Анастасия, имела волосы соломенного цвета, но когда Гаральд видел косы Елизаветы или, как он называл ее на норвежский лад, Эллисаф, ему казалось, что он стоит в некоей тайной сокровищнице и перебирает несметные богатства. Косы – злато, очи – смарагды, уста – лалы, кожа – мрамор, а румянец щек мог бы поспорить с утренней зарей…

Гаральд нахмурился. Заря – это нечто иное, как истинный скальд, он ощущал неточность сравнения. Ну какая заря может быть в сокровищнице?! А, вспомнил, с чем можно сравнить ланиты Эллисаф! С тем редкостным багрянцем, который сияет на одеяниях византийских императоров! Эти одеяния стоят целое состояние!

Эти богатства Эллисаф, вместе взятые, ее тонкий стан, за который она была прозвана Шелковинкой, – вот что привело Гаральда сюда, в темницу, где в углу тихо шипит ядовитая – в этом можно не сомневаться! – змея. Киевский князь Ярослав ценил красоту своей дочери дорого, очень дорого. Само имя Гаральда, его воинские заслуги значили для него довольно много – чтобы взять викинга и его дружину к себе на службу, – но все же недостаточно, чтобы отдать за него дочь. А ведь он, Гаральд, сын Сигурда Сира, – не просто какой-нибудь ярл [2], а королевич! Его единоутробный брат Олаф Святой, король норвежский, в зиму 1027-ю от Рождества Христова был разбит датчанами и бежал за море, а в Норвегии воцарился Кнут I из Дании. Спустя три года Олаф попытался вернуть отеческий трон, однако сложил голову в битве при Стикластадире. Гаральд же был только ранен и успел скрыться в Швеции вместе с остатками войска Олафа. Но руки Кнута могли их там достать, да и что делать на чужбине без денег? Вздыхать о былой славе? Гаральд не мог долго сидеть на одном месте. Он знал, что рано или поздно вернет себе трон. Но, чтобы сделать это, надо было собрать дружину, вооружить ее, надо было заручиться поддержкой соседей – таких, например, могущественных конунгов, как русский Ярицлейв. Русские называли его Ярославом, а за ум и удачливость прозвали Мудрым [3].

Киевские и новгородские князья и прежде охотно брали себе на службу викингов, помня о своем родстве с варягами. Кроме того, Ярицлейв женат на шведской королевне Ингигерде, которая теперь, правда, зовется Анной [4]. Ингигерда была невестой Олафа, потом вышла за Ярослава, а затем они с мужем приютили

на время у себя в Киеве свергнутого короля. Поэтому Гаральд не хотел искать для себя лучшего конунга, чем Ярицлейв.

Без дела викинги не сидели и честно отрабатывали содержание, назначенное князем. Они вернули Киеву завоеванные Польшей пограничные города, охраняли строительство оборонительных застав против кочевников-печенегов на реке Роси.

Много раз бывая при княжеском дворе, Гаральд увидел старшую дочь Ярослава Елизавету – и влюбился в нее.

О други, я юность не праздно провел!
С сынами Дронтхейма [5] вы помните сечу?
Как вихорь, пред вами я мчался на встречу —
Под камни и тучи свистящие стрел.
Напрасно сдвигались народы мечами,
Напрасно о наши стучали щиты:
Как бледные класы [6] под ливнем, упали
И всадник, и пеший владыка, и ты!
А дева русская Гаральда презирает…

На самом-то деле красивый викинг тоже пришелся по нраву княжне – он-то знал женщин и не мог ошибаться насчет этих долгих взглядов, которые бросала на него прекрасная Елизавета. Она с восторгом слушала его песни – и им самим сложенные, и старинные скандинавские саги, которые Гаральд, может быть, не очень умело, но задушевно перелагал на русский язык прямо на ходу. Слушала о том, как прекрасный Бальдр был убит стеблем омелы, как хитрый карлик Альвис заболтался с Тором и пропустил рассветный час, после чего обратился в камень, сам себя перехитрив, как обманутый Сигурд женился на Гудрун вместо Брюнхильд и заплатил за это жизнью, а вместе с ним легла на погребальный костер беззаветно любившая его валькирия… Может быть, Елизавета понимала, что каждым словом древних саг Гаральд рассказывал ей о своей любви?

Женщин любить,
в обманах искусных, —
что по льду скакать
на коне без подков,
норовистом, двухлетнем
коне непокорном,
иль в бурю корабль
без кормила вести,
иль хромцу за оленем

в распутицу гнаться.
Никто за любовь
никогда осуждать
другого не должен;
часто мудрец
опутан любовью,
глупцу непонятной.

Словом, Гаральд был уверен, что его сватовство будет встречено Эллисаф и ее отцом благосклонно.

Ничуть не бывало! Хитрый и мудрый Ярослав воздал должное его происхождению и мужественности – но развел руками: пока ты никто, мой мальчик. Ты не более чем наемник, слуга, чей стол зависит от щедрости твоего господина. Где-то там существует наследственный трон норвежских королей, но тебе до него далеко, как до луны, которая озаряет по ночам мир своим призрачным сиянием. Твой трон – такой же призрак. Неужели ты думаешь, что я отдам свою старшую дочь призраку?!

Конечно, это было выражено не столь прямолинейно, более любезно, очестливо [7], не противно для гордости викинга, но достаточно ясно и жестко. Да, киевские князья прославились умением заключать выгодные брачные союзы с соседями! Отец Ярослава, конунг Владимир, был женат на византийской царевне Анне, их дочь стала женой польского короля Казимира, сам Ярослав взял за себя, как известно, шведскую королевну, его сыновья женились: Всеволод – на Марии, царевне из Византии, Вячеслав – на дочери графа Штаденского Оде, Игорь – на Кунигунде, маркграфине Саксонской, Изяслав – на польской королевне Гертруде. Конечно, будь Гаральд королем…

Ну что ж, киевский князь прав. Гаральд должен или вернуть трон, или завоевать такую славу, которая заставит забыть о том, что его чело не увенчано короной. А главное – он должен сказочно разбогатеть! Ярослав знает цену деньгам, и хоть стольный град его Киев выглядит богато – одни Золотые ворота чего стоят! – да и сам живет в великолепном дворце, не хуже чем у византийских императоров, а библиотека его, по слухам, стоит целое состояние, все же князь уверен, что богатства не может быть слишком много. И опять он прав, трижды прав!

В это время как раз закончился срок службы викингов у Ярослава. Он ничуть не обиделся, когда Гаральд сообщил, что не будет подряжаться на новый срок, а отправится искать удачу в чужих землях. Князь Ярослав даже написал письмо в Константинополь, рекомендуя императрице Зое, своей

свойственнице (Анна, мачеха Ярослава, приходилась ей тетушкой), отборных воинов. И вот Гаральд прибыл в Константинополь (русские называли этот город Царьградом и безмерно гордились, что некогда князь Олег прибил боевой щит свой на врата столицы византийской!) и был принят на службу. По совету хитроумного Ярослава, который лучше, чем смелый и искренний варяг, знал о знаменитом византийском коварстве, Гаральд скрыл свое настоящее имя и звание и представился простым ярлом Нордбриктом. Северный странник – так переводилось его новое имя.

Викинг думал, что многое видел и удивить его будет трудно. Однако все чудеса Киева, все дива дивные, которые встречались на пути в Византию, были просто ничем по сравнению с самим Константинополем. Да это не город, а целый мир! Сколько великолепных строений! И до чего же хитро все устроено! Например, по воду не надо ходить или ездить на реку. Здесь и реки-то нет. Вода сама поступает в город по особенным водоводам. Говорят, их придумали еще римляне и называются они акведуки. Каждый дом роскошен, словно дворец. А сам Священный дворец! Нигде в мире не сыскать подобного ему. Какие мраморы вокруг! Какие величавые колонны подпирают расписной потолок, до которого не достать, словно до неба! А стены и полы не просто разрисованы, а выложены кусочками разноцветного стекла. Изображенные на них картины не смоют никакие дожди. Хотя дожди – здесь редкость, не то что в родной туманной Норвегии. А сколько народу живет в этом городе! И все, как на подбор, низкорослые, черноволосые, черноглазые. На викингов, светловолосых, светлобородых великанов, здесь смотрели со священным ужасом. То есть это мужчины так смотрели. А женщины…

Конечно, женщины здесь были хорошие – мягонькие такие, пухленькие, словно куропаточки. Пахли сладко-сладко! Целуешь такую – и еле удерживаешься, чтобы не укусить, словно пышный пирожок. Только страшно подавиться «глазурью» – белилами, да румянами, да притираниями, да сурьмой, да хной, которые местные красавицы накладывали на себя щедро, даже чрезмерно щедро. Гаральд, конечно, от дамских прелестей головы не терял: хранил сердечную верность Эллисаф. Однако мужская природа требовала своего, и он ни воинам своим не запрещал, ни сам не отказывался от того, что само шло в руки. Здесь, между прочим, было в обычае у жен самим выбирать себе любовников, самим делать им предложения, назначать свидания и одаривать щедрыми подарками. Многие из воинов Гаральда таким образом немало разбогатели, да и сам вождь их не оставался внакладе.

Мог ли предполагать Гаральд, что именно одна из византийских женщин едва не погубит и его, и всю его дружину!

Впрочем, в утешение можно сказать, что это была женщина не простая и даже не высокородная придворная дама, а сама императрица.

Зоя была третьей дочерью императора Константина VIII Мономаха. Брат его Василий умер бездетным, а дочери еще не нашли себе мужей. Да и как было найти? В Византии крепко помнили «ненарушимые заветы» Константина Багрянородного, запрещавшие царевнам замужество с «варварами» (а таковыми для кичливых ромеев [8] были чуть ли не все народы).

Итак, все три византийские царевны прозябали в девичестве. Но императрица не может быть девицей! Мужней женой, вдовой – это да. Но девицей?! Чтобы сохранить преемственность наследования, решено было выдать одну из сестер замуж за какого-нибудь высокородного грека и возвести его на престол. Кого именно? Старшая сестра, Евдокия, была поражена проказой и жила в уединении в монастыре. Младшая, Феодора, тоже недавно постриглась и ни за что не собиралась нарушить обета верности Христу. Ни за какие мирские блага. К тому же мало сыскалось бы мужчин, которые решились бы вступить с ней в брак даже ради того, чтобы приблизиться к трону. Лицо у нее было длинное, словно у ослицы, тело тощее, кособокое. Вдобавок она болтала не умолкая с утра до вечера, похуже иной сороки! А средняя сестра, Зоя… Зоя была еще привлекательна, несмотря на то что сорокавосьмилетняя девственность, конечно, заставила ее щеки и губы поблекнуть и груди увянуть. Однако она охотно согласилась выйти замуж и взойти на трон.

В супруги ей нашли патриция Романа Аргира. Он был еще молод, красив, богат, знатен, – словом, взял всем. Одна беда: женат и влюблен в свою жену. Но это сочли таким незначительным препятствием! Перед супругами был поставлен выбор: или прощайтесь с жизнью, или Роман должен обвенчаться с Зоей. Жена Аргира постриглась в монахини, а Роман… пошел под венец и сделался императором Романом III.

Надо сказать, что Зоя очень скоро вошла во вкус как управления государством (она стала любимицей народа за свою доброту и разумность), так и супружеской жизни. В плотской любви, оказывается, таилась бездна удовольствия! Как же нагло лгали монахи, уверяя, что страсть постыдна и пагубна, а тело женское – всего лишь сосуд греха. Нет, насчет греха они были, конечно, правы… но до чего же сей грех сладостен! Опять же, не согрешив, не покаешься.

Однако стоило помолодевшей, похорошевшей, повеселевшей императрице распробовать новые радости жизни, как их тут же у нее и отняли. Роман остался равнодушен к жене, однако правление государством его весьма заинтересовало. Он отправил Зою в женские покои – дескать, сиди там и не лезь ни в тронную залу, ни в мою спальню! Зоя снова начала чахнуть в одиночестве, и единственным человеком, который ей в это время сочувствовал, оказался императорский евнух Иоанн.

Лишенный определенных мужских способностей, он отнюдь не был лишен разума. Более того, Иоанн был изощренно хитер и пронырлив. Он прекрасно понимал, что истомившаяся по любви, неудовлетворенная женщина – легкая добыча. Сам взять эту добычу Иоанн по понятным причинам не мог. И он пристроил во дворце своего младшего брата Михаила, писаного красавца и дамского угодника.

Зоя просто ошалела при виде его. Влюбилась с первого взгляда! Теперь она не могла думать ни о чем другом, только бы заключить Михаила в объятия. Она и раньше-то не любила пышных парчовых облачений, которые делают даже самую красивую женщину похожей на старика-патриарха, а теперь и вовсе стала носить легкие шелковые одеяния, выгодно обрисовывавшие ее красивое тело. Ее опочивальня больше напоминала лавку торговца восточными благовониями. Все пошло в ход, все мыслимые и немыслимые косметические ухищрения. Дважды в день ванны из молока молодых ослиц, массаж с оливковым маслом, маски для лица, притирания из миндального теста, освежающие обтирания из варенных в меду пшеничных хлопьев… Люди, знавшие Зою раньше, ее просто не узнавали. Чудилось, время для нее обратилось вспять. И все это – ради молодого красавца с огненными черными глазами! Однако Зоя была редкостная гордячка, и как ни рвалось ее сердце от любви, как ни жаждала она увлечь юношу в постель, а помнила, кто она такая.

Мало того что императрица. Прежде всего – женщина, прожившая полвека… Зое было известно немало историй о том, каким унижениям подвергаются зрелые дамы, плененные юными красавчиками. Такое сплошь да рядом происходило и в Византии, и далеко за ее пределами. Как правило, правящим особам становилось известно о том, что творилось при других дворах, а интимные тайны передавались из уст в уста с особым тщанием. Поэтому до Зои не могла не дойти история о русской княжне Предславе (между прочим, родной сестре нынешнего киевского князя Ярослава), среди приближенных которой был юноша по имени Моисей Угрин, то есть венгр. Княжна очень его отличала

своим расположением, однако счастья им было не видать: Предслава строго блюла свою невинность. Ну и чего ради? Вся ее невинность даром досталась польскому королю Болеславу, который взял строптивицу в плен и просто-напросто изнасиловал ее. Но судьба Предславы интересовала Зою мало. Куда интереснее представлялась ей судьба Моисея.

Судя по всему, этот Угрин был красавец, каких мало. Наверное, вроде Михаила… И когда он шел в толпе пленных по польской земле, на него обратила внимание некая знатная дама. Рассказывали, что ее звали Эльжбета. Историю о ней Зоя слушала, словно печальную сказку! Эльжбета пламенно влюбилась в Угрина и призналась ему в своей страсти. Однако он отверг даму: ведь та ему в матери годилась. Эльжбета, впрочем, готова была на все, чтобы добиться его любви. Тем более что, по слухам, она была очень хороша собой. Она выкупила Моисея за огромные деньги и поселила в своем дворце. Теперь он купался в роскоши – но продолжал держать на расстоянии изнемогавшую от любви даму. Эльжбета не расставалась с ним ни на минуту – правда, принуждена была спать в другой постели. Она возила Угрина с собой по всем своим имениям и везде всем представляла его как своего супруга и господина. Но ничем его нельзя было прельстить, ни за какие сокровища в мире он не собирался поступиться своей добродетелью.

Это казалось Зое порядочной дурью. Единственное объяснение этой непостижимой холодности было то, что Угрин предпочитал женщинам мальчиков. Таких идиотов Зоя много повидала в Константинополе. А может быть, он был влюблен сам в себя, словно Нарцисс, от любви к которому нимфа Эхо иссохла так, что от нее остался лишь голос? Конечно, если любишь только себя, то никто другой не нужен. И любовные ласки можно расточать себе самому, глядя при этом в зеркало и наслаждаясь своей несравненной красотой…

А может быть, Угрин вообразил себя новым Иосифом Прекрасным? Дурные примеры, говорят, заразительны!

Долго добивалась Эльжбета своего возлюбленного. А потом узнала, что Угрин украдкой от нее умудрился постричься в монахи. И тогда терпение ее закончилось, любовь обернулась ненавистью. Она велела оскопить недоступного красавца. Чтобы вино его страсти, коего не удалось испить ей, уж не досталось никому в мире, никакой другой женщине!

Говорили, Угрин воротился в Киев и стал жить там в Печерском монастыре. Но судьба этого скопца мало интересовала Зою. Он получил то, что заслужил. А вот Эльжбета… Не сказать, до чего Зое было жаль несчастную Эльжбету. Сколько страданий

ей пришлось претерпеть! Мыслимо ли ради мужчины, нет, ради мальчишки, пусть даже самого красивого на свете, так унизиться! И, что самое ужасное, ничего не получить взамен – кроме дурной славы, которая расползлась по всему миру.

И Зоя решила, что умрет от любви, но не унизится перед обожаемым юношей. Михаил никогда не узнает, какую страсть пробудил в ней. Вот если он сам станет умолять ее и признаваться в чувствах…

Может быть, она и впрямь умерла бы от несбывшейся любви, словно от неведомой болезни, однако Иоанн оказался, на счастье, весьма проницательным. Он достаточно много повидал в жизни, чтобы распознать, какой хворью томима императрица. Не прошло и двух дней, как Михаил рухнул пред ней на колени и стал рассказывать, как безумно любит ее. Жить без нее не может! Просто умирает! Зоя радостно поверила – и вполне отдалась своей безумной страсти. Наконец-то она была счастлива!

Своим счастьем влюбленная императрица захотела одарить всех. И прежде всего – своего обожаемого Михаила. Наиболее достойным подарком для него был бы, конечно, трон. Но трон уже занят Романом…

Зое стоило только намекнуть на то, что муж слегка зажился на этом свете. Иоанн ловил каждое ее слово. И почти немедленно Роман III утонул в банном бассейне. Учитывая, что воды там было по колено, это показалось людям очень странным. Еще более странным выглядело его лицо, оно стало распухшим и почерневшим, как будто император не утонул, а задохнулся. Но о таких странностях болтать было небезопасно. Умер человек и умер, подумаешь, с кем не бывает?

Зоя вполне могла бы царствовать одна – вдове это разрешалось, – однако она хотела вознаградить Михаила за то счастье, которое он ей даровал. И спустя самое малое время она венчалась вторично, – так в Византии появился новый император – Михаил IV Пафлагонянин. Увы, вся любовь его к Зое закончилась, лишь только он услышал на Ипподроме приветственные крики, величавшие его императором. Ипподромом называли в Константинополе великолепное сооружение, напоминавшее римский Колизей. Там происходили конные испытания и другие развлекательные зрелища. На каменных скамьях, воздвигнутых в форме амфитеатра, помещалось до ста тысяч зрителей. Когда на трибуне появлялся император, его приветствовали оглушительными криками. Они-то и вскружили голову Михаилу настолько, что он забыл, и кто он, и, главное, кому обязан этим незаслуженным величием.

Однако вскоре Михаил заболел. Он и прежде был слаб

здоровьем, а теперь его начала бить падучая, преследовали призраки. Император безмерно каялся, что отчасти оказался виновен в смерти Романа Аргира. Он почти не выходил из церкви – ну, разве что для того, чтобы совершить паломничество к святым местам. Теперь фактическим правителем империи стал Иоанн. К этому он и стремился с самого начала. А всеми покинутая Зоя искала новой любви.

И вот тут-то в Константинополь возвратилась дружина викингов, которые все это время были заняты укреплением пошатнувшейся империи.

Где только ни пришлось потрудиться викингам во славу Византии! Гаральд топил в Эгейском море африканских пиратов, бился с сарацинами на брегах Евфрата, а потом сражался в Нильской долине под командованием Георгия Маниака, знаменитого полководца. Он побывал и в Сицилии, где встретился с патрицием Кевкаменом Катакалоном, который затем был отправлен на Русь послом и не отказался отвезти в Киев послание от Гаральда – для князя Ярослава (точнее, для его дочери). Кстати сказать, Гаральд часто отсылал письма к Киев, и не просто письма. Туда он отправлял всю свою военную добычу. Ярослав обязался беречь ее до возвращения викинга, который богател буквально на глазах придирчивого киевского князя.

Между прочим, отправляя все свое добро в Киев, Гаральд поступал очень предусмотрительно… но об этом позже.

Катакалон оказал Гаральду также и протекцию. Когда Византия установила перемирие с египетским халифом, который в ту пору владел Палестиной, Гаральд и его дружина были посланы охранять восстановление храма Христа. Рекомендовал викингов для этого именно Кевкамен Катакалон.

Страшное запустение увидел Гаральд в святой земле. После войны греков с сарацинами она лежала в развалинах. Викинги охраняли рабов, которые возводили разрушенные стены храма Христа, хотя, впрочем, сарацины свято соблюдали условия договора и даже помогали доставлять строительные материалы и воду в эти пустынные места. Куда большей опасности натерпелись и строители, и охрана от разбойников, которые промышляли по дороге в Иерихон. Вместе с воинами халифа викинги очистили этот путь, который отныне стал безопасен для странников.

Да уж, много чего навидался Гаральд! Он даже искупался в Иордане, чтобы смыть грехи, но, несмотря на свою легендарную храбрость, не решился войти в черные воды Мертвого моря, полного серы, которая упала с небес во время сожжения Содома и

Гоморры гневом Господним.

Срок договора викингов с Византией между тем подходил к концу. Гаральд не раздумывал, возобновлять его или нет. Настала пора возвращаться в Киев!

Мы, други, летали по бурным морям,
От родины милой летали далеко!
На суше, на море мы бились жестоко,
И море, и суша покорствуют нам!
О други! Как сердце у смелых кипело,
Когда мы, содвинув стеной корабли,
Как птицы, неслися станицей веселой
Вкруг пажитей тучных Сиканской [9] земли!
А дева русская Гаральда презирает…

Мыслями викинги были уже далеко от Византии. Однако именно в это время истосковавшаяся, печальная императрица увидела предводителя северных наемников, этериарха [10] Нордбрикта (Гаральд, как мы помним, назвался этим именем) – и мир для нее словно бы воскрес и засиял во всей красе. Она вдруг почувствовала отвращение к своим темноволосым, темноглазым, низкорослым, пухленьким и изнеженным любовникам. Теперь ее влекло только к этой грубой силе, воплощенной в образе голубоглазого и светловолосого высоченного богатыря с могучим разворотом плеч и твердым, крепко сжатым ртом. Императрица велела Иоанну доставить к ней Нордбрикта.

Евнуху не привыкать было исполнять поручения такого рода. Даже после того, как Михаил Пафлагонянин ударился в благочестие и больше не навещал опочивальню Зои, она редко спала одна. Не кто иной, как именно евнух, приводил к ней молодых мужчин. И каждый раз сердце Иоанна сжималось от ужаса. А вдруг императрица пожелает, чтобы какой-то из ее любовников сменил на троне Михаила? Вдруг тот в одночасье умрет – по ее воле? Ни у кого это не вызовет недоумения, ведь о хворях императора всем известно. Строго говоря, оно бы и с Богом, думал иногда евнух, которому и самому осточертел припадочный, капризный братец, но если на трон взойдет совершенно чужой человек, что будет тогда с ним, с Иоанном? Его многие недолюбливали, а еще больше народу откровенно ненавидело… Не захочет ли новый император прикончить человека, который слишком много знает о дворцовых тайнах?

Больше всех Иоанн опасался Константина Мономаха, красавца-атлета родом из Далласы (между прочим, именно на его дочери Марии был женат сын Ярослава Мудрого Всеволод).

Константин был вдобавок еще и очень умен, из тех краснобаев, ворчал про себя Иоанн, которые легко обвивают словами сердце любой женщины. И евнух даже обрадовался, когда узнал, что Зоя призвала к себе Нордбрикта. Всем известно, что этот варвар безнадежно влюблен в какую-то девицу из племени скифов, наверное, столь же долговязую и бледнолицую, как он сам. Иоанн знал все, что творилось при дворе, знал он и то, что многие патрицианки порою зазывали Нордбрикта к себе в гости. Он являлся, иногда оставался на ночь… но этим все и ограничивалось, хотя некоторые дамы влюблялись в него и потом не давали ему прохода. Но он никогда не соглашался на второе свидание. В этом была какая-то загадка, которая занимала многих, но разгадать которую не мог никто.

И Иоанн решил присутствовать при свидании Нордбрикта с императрицей. Во-первых, он хотел выведать, если получится, тайну викинга, во-вторых, хотел знать, как будет вести себя императрица. Что, если она по уши влюбится в варвара и пообещает ему престол? Тогда, провожая Нордбрикта из ее покоев, можно, словно невзначай, устроить ему какую-нибудь пакость. Например, провести из дворца в обход, через сады, кривые тропы которых оканчивались глубокими обрывами. На дне же пропастей торчали острые камни. Человек, сорвавшийся туда, не имел надежды выбраться – он разбивался насмерть! Можно подкинуть в опочивальню Нордбрикта ядовитую змею. Можно устроить так, чтобы он оступился, упал с лестницы и сломал себе шею. Или использовать старый, проверенный способ – угостить Нордбрикта вином, в который подмешана хорошая толика быстрого и милосердного яду. Иоанн знал массу способов отправить человека на тот свет – причем так, что ни у кого не возникнет никаких подозрений!

Само собой, о присутствии его при свидании никто знать не будет: у Иоанна было одно секретное местечко для наблюдения.

И вот Нордбрикт у Зои. Разодетая так, что все ее соблазнительные формы откровенно просвечивали под легкими, развевающимися тканями, благоухающая, словно куст роз, она завела с варягом милый, веселый разговор, во время которого превозносила его силу, мужественность, верную службу, обещала щедрую награду и вздыхала о том, как печально ей будет расстаться с таким великолепным воином и красивым мужчиной, ничего не получив от него на память. Не может ли он сделать ей небольшой подарок?

– Что желает государыня получить от меня, недостойного ее милости и расположения? – удивился Нордбрикт.

– Прядь твоих роскошных волос, – промурлыкала Зоя. – Я

перевяжу их золотой лентой, и неведомо, что будет сверкать ярче – золотая парча или золото твоих кудрей.

Нордбрикт не без гордости отбросил за плечи свои длинные светлые волосы (на взгляд Иоанна, они были чрезмерно густы и жестки, словно конская грива, вдобавок перепутаны ветром, как солома в скирде, да и цвета такого же!) и ответил, что не может исполнить просьбу императрицы.

– Отчего же? – огорчилась та.

– Волосы людей имеют магическую силу, – ответил Нордбрикт. – У нашего народа есть сага о злобном Локи, который похитил прядь волос громовержца Тора, навел на него порчу и едва не завладел после этого молотом грома. Весь Асгард, город богов, был в опасности! К частью, волшебница Идунн пригрозила, что не даст Локи золотых яблок, благодаря которым боги сохраняют вечную молодость. Локи испугался и вернул Тору его волосы. Жуткая история, верно? Я очень хорошо помню эту сагу и опасаюсь, что какой-нибудь мой враг наведет на меня жестокую порчу через подаренную государыне прядь.

– Ты считаешь меня своим врагом? – изумилась Зоя.

– Нет, госпожа. Но я опасаюсь, что найдутся люди, которые приревнуют меня к венценосному благорасположению и захотят навредить мне.

– Пожалуй, ты прав, – кивнула Зоя, поразмыслив. – Хорошо, пусть твои магические волосы остаются при тебе. Тогда подари мне кое-что другое.

– Все, что государыня пожелает, – с поклоном («Наконец-то ты догадался поклониться императрице, варвар несчастный!» – проворчал про себя Иоанн.) ответствовал Нордбрикт.

Зоя всмотрелась в его красивое, недоброе лицо, а потом, не говоря ни слова, пошла к своему ложу и улеглась на него. С того места, где прятался Иоанн, было отлично видно, как она разбросала в стороны свои легкие одеяния и раздвинула ноги.

Нордбрикт несколько мгновений стоял неподвижно, как если бы не сразу сообразил, что от него требуется.

Видимо, Зое ожидание показалось слишком долгим, потому что она нетерпеливо вздохнула.

Иоанн хихикнул в своем укрытии. Он помнил, как один молодой дуралей, удостоенный приглашения к ложу императрицы, счел, что слишком хорош для любовницы, чья первая и даже вторая молодость уже миновали. Он скорчил презрительную гримасу и выскочил за дверь, не удостоив Зою даже словом… но прошел по коридорам Священного дворца, а также по этой жизни не более десятка шагов. Рядом с ложем находился шнур, соединенный с колокольчиком, висевшим в

покоях тайной стражи. Если раздавался звон, это означало, что человек, вышедший из покоев императрицы, недостоин более жить.

Зоя вздохнула второй раз, еще более нетерпеливо, и тогда Нордбрикт взялся обеими руками за свой пояс и расстегнул его. Отложив пояс, он приблизился к ложу и спустил свои кожаные штаны, туго облегавшие его мускулистые ноги. Встал на колени меж нежных колен императрицы – ну а потом случилось то, чего желала Зоя.

Евнух, позевывая, смотрел на содрогающиеся тела и ждал, когда эти двое перестанут заниматься ерундой. Самое интересное должно было начаться потом, когда отзвучат стоны удовлетворенного желания.

И вот наконец это произошло.

Переведя дух, викинг поднялся и начал натягивать штаны.

– Куда ты спешишь? – обволакивающим, мягким голосом проворковала Зоя.

Иоанн тихонько хмыкнул. Давненько он не слышал такого голоса императрицы. Видимо, этот белый медведь доставил ей немалое удовольствие.

– Госпожа, меня ждут мои воины, – ответил викинг почтительно, но при этом холодновато, как если бы он мгновение назад всего лишь играл с императрицей в шахматы. – Я им вождь и отец, а отец не может оставить своих детей надолго.

– Хорошо, я понимаю, – покорно вздохнула Зоя, чуточку надув губы. – Эти мужские забавы… Но ты придешь ко мне завтра в эту же пору.

Нордбрикт мгновение помолчал, а потом ответил непреклонно:

– Надеюсь, я не разгневаю государыню, если скажу – нет?

– Что? – не поверила ушам Зоя. – Я… я не понравилась тебе? Ты что, считаешь, я нехороша для тебя? Слишком стара?!

В голосе ее зазвенели слезы.

– Прекрасная госпожа, – ласково ответил Нордбрикт. – Ты похожа на пышноцветущую розу. Мало отыщется женщин, столь же нежных и щедрых в любви, как ты. Но… быть может, ты слышала о том, что я хочу жениться на дочери киевского князя Ярослава?

– Еще бы! – фыркнула Зоя. – Твои песни об этой чрезмерно горделивой девице известны всем! И что? Какое это имеет отношение ко мне? К нам с тобой?

– Я прославил свою любовь, – пояснил Нордбрикт. – И сам прославился благодаря ей. Что же скажут обо мне люди, если узнают, что я променял великую любовь на богатство, почести и

беззаботную жизнь в чужой стране? Моя слава непобедимого воина и верного возлюбленного будет запятнана изменой. Прости, госпожа! Но я должен уйти.

Он поклонился и зашагал к выходу.

Иоанн видел, как Зоя резко села в постели и, надув губы, с выражением обиженного ребенка смотрела вслед уходящему любовнику. Потом потянулась туда, где был прикреплен тайный шнур…

«Так его!» – беззвучно похлопал в ладоши Иоанн.

И в это время Нордбрикт обернулся:

– Государыня… Я чувствую спиной твой печальный взгляд. Но попытайся понять… Одна ночь – это случайность. Две ночи – это уже связь. Между людьми протягиваются незримые нити, которые трудно, а иногда невозможно разорвать. Я не хотел бы оставить рану в твоем сердце – но и сам не хотел бы остаться раненым. Пойми меня и прости.

С этими словами он наконец вышел. Зоя проводила его задумчивым взглядом и откинулась на постель. Иоанн видел, что к шнуру она так и не притронулась. А по губам ее теперь бродила легкая, нежная улыбка.

«Ох и хитер этот варвар! – завозился в своем убежище Иоанн. – Небось то же самое он говорил всем женщинам, на ложе которых восходил лишь единожды, а потом оставлял их напрасно вздыхать о его неутомимом орудии. Теперь императрица тоже будет пребывать в убеждении, что он оторвался от нее с величайшим трудом, и если бы не данное северной княжне слово… Она еще уверит себя в том, что сама пожертвовала собой ради счастья возлюбленного. Есть ли более целительные снадобья для уязвленной женской гордости, чем убежденность в собственном благородстве? Она будет думать, что, возлежа со своей женой, Нордбрикт мечтает о красавице гречанке, о ней, о Зое… Да, зря я считал его белым медведем, у которого только и есть, что острый меч на боку да увесистая дубинка меж ног! Оказывается, и среди северных дикарей встречаются умные люди».

Евнух на некоторое время успокоился. И все же он видел, какие взгляды бросает Зоя в сторону золотоволосого гиганта, когда видит его в карауле. Да и не больно-то верил Иоанн в человеческое благородство. Поэтому он приложил все усилия, чтобы, во-первых, дружине варягов не предложили продлить договор о службе в Византии. А во-вторых, заставил Зою озаботиться судьбой империи. Поскольку брат Михаил сделался совсем плох и в любую минуту мог отправиться на суд к престолу Господню, Иоанн убедил императрицу, что после смерти второго

мужа ей вряд ли удастся найти третьего. Жизнь дороже трона, рассудят придворные – и мало кто захочет жениться на «черной вдове». Чтобы сделать свои доводы более убедительными, Иоанн велел садовникам изловить паучиху, которая называлась именно так – «черная вдова». Эти паучихи прославились тем, что убивали своих самцов. Иоанн показал насекомое Зое.

С отвращением посмотрев на жирное, круглое, многоногое существо, императрица велела паучиху раздавить, а сама всерьез задумалась. Да, если она вновь останется вдовой, ее могут устранить от власти и сослать в монастырь. А ведь если поступить так, как советует мудрый евнух: усыновить племянника Михаила и потом короновать его, – можно фактически оставаться императрицей при этом юнце. Кроме того, красивых мужчин на свете много… Кто знает, может быть, со временем удастся забыть в чьих-нибудь объятиях непреклонного Нордбрикта? Но для этого надо любой ценой избежать монастыря!

Итак, Зоя усыновила Михаила Калафата, и совсем скоро после этого он стал Михаилом V Калафатом: прежний император умер в одном из своих покаянных паломничеств. Между прочим, прозвище нового государя означало название того ремесла, которым Михаил и его предки занимались с незапамятных времен. Они смолили корабли! Таким образом, на трон византийских императоров взошел простолюдин.

Ах, если бы черны были только руки его! Таким же оказалось и сердце.

Ему не нужны были никакие опекуны. Тем более не больно-то молодые опекунши! Приемную мать и ее советника, евнуха Иоанна, он незамедлительно выслал из столицы и заточил в дальние монастыри.

Вот и свершилось то, чего больше всего боялась Зоя…

Как всякий человек, внезапно и без усилий взметнувшийся из бедности к вершинам неимоверного богатства, Калафат был невероятно расточителен – и столь же фантастически скуп. Он без раздумий швырял деньги на свои прихоти – но при этом охотно отнимал их у других. Ему вдруг показалось, что этериарх Нордбрикт и его воины чрезмерно разжились на византийских хлебах. Велел чиновникам перепроверить, вся ли воинская добыча была сдана варягами в казну, не утаили ли чего. А в ожидании результатов проверки приказал заточить Нордбрикта в темницу. На всякий случай, чтобы не сбежал.

Впрочем, сведущие люди во дворце говорили другое. Якобы Калафат узнал, какую нежную склонность питала к варвару Зоя, – и побоялся, что этериарх поднимет свою дружину против императора, чтобы освободить несправедливо сосланную

любовницу, вернуть ее на престол – а там, кто знает, может быть, и повластвовать вместе с ней.

Сказать по правде, у Гаральда возникали такие мысли. Нет, не о престоле – Византию вообще и Священный дворец в частности он не называл иначе чем гадюшником и меньше всего желал сидеть бы на троне, со всех сторон окруженном ядовитыми змеями. Но ему было бесконечно жаль Зою – такую нежную, такую слабую… Ее заточение он считал вопиющей несправедливостью.

И неизвестно, как бы повернулось дело, не швырни Калафат его в темницу.

В ту самую, со змеей в углу. То есть от змей Гаральду все же не удалось уберечься!

Проделали это быстро и в строгой тайне – византийцы вообще были мастера на такие штуки. Дружина ничего не знала о судьбе своего вождя. Викинги не могли представить, где его искать. Вздумай они обыскивать дворец, на это ушло бы несколько месяцев, настолько запутаны были его переходы, особенно подземные тюрьмы.

Помог случай. Зою подданные очень любили, а Калафата презирали и ненавидели. Вспыхнуло народное восстание против нового государя, императрицу вернули в Константинополь. А в суматохе выпустили из тюрем всех заключенных. Простился со своей подружкой змеей и Гаральд. До конца службы оставалось еще полмесяца, однако викинги сочли себя свободными от всех обязательств. Всю военную добычу, которую удалось сохранить от императорских чиновников, быстро погрузили на две галеры (добавив к этому то, что удалось награбить в охваченном сумятицей дворце – в качестве возмещения ущерба!) и вышли в море столь поспешно, что Гаральд даже не помахал на прощание Зое.

Увы… Покинуть Константинополь оказалось не так-то просто.

Передняя галера была уже близка к выходу из бухты Золотой Рог в открытое море, когда раздался крик впередсмотрящего:

– Гаральд! Нам не выйти в море! Смотри!

Предупреждение запоздало. Гаральд уже и сам видел тяжелый маслянистый блеск меж синих волн залива. Он и раньше слышал о ловушке, которую соорудили греки, чтобы сделать Золотой Рог неприступным для чужих кораблей, подходящих к Константинополю. Но если нельзя войти в бухту, то нельзя и выйти из нее!

С каждым мгновением цепь поднималась все выше,

натягивалась все сильнее. Еще немного – и она ударит галеру по днищу, потом по борту…

Гаральд оглянулся, окинул бешеным взглядом берег. В рассветной мгле рассыпаны тысячи огоньков. Мельканье факелов, зарева пожаров… Да, смута в Константинополе не утихает. Викинги подлили столько масла в ее огонь, сколько могли. Лишь благодаря этому и ушли!

Гаральд содрогнулся, но апрельский прохладный ветерок был здесь ни при чем. Эта заградительная цепь в бухте Золотой Рог отливала тем же тусклым блеском, что и тело змеи, шипевшей в углу его темницы…

Он представил, как галера возвращается на берег, увидел дружину перебитой, увидел себя в той же каморке наедине со змеей… то-то небось рада будет повидаться с ним вновь!

А Эллисаф он потеряет навсегда.

Ну уж нет!

Гаральд велел перенести весь груз на корму и скомандовал дружинникам перейти туда же. Гребцы налегли на весла, и галера вползла носом на цепь, медленно поднимавшуюся из волн, закачалась на ней.

– Гребите! Еще! Сильнее! А теперь всем на нос! – закричал Гаральд, когда середина галеры осела на цепь.

Дружинники бросились исполнять команду. Корма взлетела вверх – и судно переползло через цепь.

Свободны!

Однако вырваться из бухты удалось не всем. Когда вторая галера попыталась повторить рискованный маневр, цепь уже натянулась слишком сильно, и корабль разломился пополам. Мало кому удалось спастись. Выловив товарищей из волн и наскоро пропев молитвы над теми, кто остался лежать на дне, корабль Гаральда двинулся на север.

Нас было немного на легком челне;
А море вздымалось, я помню, горами;
И Гелла [11] зияла в соленой волне.
Но волны, напрасно яряся, хлестали:
Я черпал их шлемом, работал веслом.
С Гаральдом, о други, вы страха не знали
И в мирную гавань влетели с челном.
А дева русская Гаральда презирает…

О нет, теперь его никто не презирал! Сам Ярослав Мудрый встретил викинга с почтением и без споров отдал за него старшую дочь – честно говоря, ей давно пора было замуж. Одно

время думали, что Елизавета не дождется храброго викинга, а выйдет за другого. Это произошло, когда в Киеве нашли приют, подобно другим изгнанникам (тому же Гаральду, венгру Андрашу I и прочим), сыновья разбитого датчанами английского короля Эдмунда Железный Бок. Звали их Эдвин и Эдуард – этот последний известен в истории как король Эдуард Исповедник.

Впрочем, Елизавету и Эдуарда связывали только самые нежные дружеские чувства. Вернее, Эдуард смотрел на нее как на дочь. Словом, дело между ними не сладилось, сакс вернулся в свою страну, а Елизавета стала ждать Гаральда.

И вот он возвратился! Теперь, после громких подвигов в дальних странах, его называли Гардрадом – Смелым [12], и они с невестой нетерпеливо считали дни и часы, остающиеся до свадьбы.

С другой стороны, дольше ждали: целых десять лет!

На дворе стоял 6551 год от сотворения мира (1043 год от Рождества Христова). Все дальше и дальше в прошлое уходили воспоминания о службе Гаральда в Константинополе. Кое-какие вести долетали, конечно, до Киева, но теперь викинга мало волновало, что Михаил Калафат был ослеплен по приказу возмущенной Зои. Однако все же Нордбрикт радовался, что императрица вернулась на престол. Некоторое время она делила трон с сестрой своей Феодорой, которая принуждена была на некоторое время покинуть монастырь, но наконец мирская жизнь стала ей совсем невмоготу. Тогда Зоя поспешно вышла замуж за своего бывшего любовника Константина Мономаха (прозорливый евнух Иоанн как в воду глядел!), отныне звавшегося императором Константином IX. С ним она была почти счастлива, ибо Константин был добрым человеком и, даже заведя молодую любовницу Склирину, девушку из знатного византийского рода, все же не оставлял своим вниманием ложа жены. А Зое только этого и надо было от жизни: почет днем и сильный мужчина ночью. Так что все уладилось в ее судьбе к лучшему.

Гаральд искренне надеялся, что эта милая женщина не таила на него зла. Он ведь ничего не знал о потайном шнуре… А впрочем, Зоя его так и не коснулась, этого опасного шнура, так что тут и говорить не о чем.

Между тем настал-таки долгожданный день, когда Гаральда обвенчали с Елизаветой. Однако молодоженам скоро предстояло расстаться вновь: Гаральд должен был отправиться в Норвегию – вернуть себе наследственный трон. В это время на нем восседал его племянник – король Магнус. Вообще-то, у Гаральда с ним были прекрасные отношения, но власть портит людей… Вполне

могла завязаться война.

Разумеется, Гарольд не хотел подвергать жену тяготам пути и боевой жизни. Елизавета пока осталась в Киеве. Чтобы она чувствовала себя независимой, Гарольд на прощанье вручил ей козлиную шкуру, набитую серебряными монетами. А сам отправился в Норвегию.

Воевать, по счастью, не привелось. Магнус встретил странника-воина очень радушно. Честно говоря, этому просвещенному королю немало наскучили тяготы власти. Между прочим, интересное совпадение: Магнус в юные годы немало лет провел при дворе киевского князя Ярослава. Именно там он приохотился к изучению чужеземных языков и чтению мудрых книг. Вернувшись на родину, он разработал судебник, названный «Серый гусь» – по цвету пергамента, на котором был написан. Кое-что для этого судебника король норвежский почерпнул из государственного устройства Киевской Руси.

Гарольд, конечно, не отличался такой просвещенностью, как Магнус, однако все же именно он открыл в Упсале знаменитый университет. Так или иначе, воин и мудрец успешно дополняли друг друга на троне, пока в 1047 году Магнус не умер. Тогда Гарольд стал единственным правителем Норвегии. В это время Елизавета уже два года жила в северной стране и родила двух дочерей – Марию и Ингигерду.

Приехав к мужу, она обнаружила, что туманные россказни о его любовных похождениях, которые доходили до нее и из Византии, и из Упландии [13], не все сплошь лживы. При дворе жила красивая наложница Тора, и она даже родила королю сыновей Олафа и Магнуса…

Сердце Елизаветы сжалось от ревности. Почудилось, что в невозвратную даль канули те времена, когда Гарольд посвящал ей «Висы радости». Но пришлось смириться: мужская природа иная, чем женская! Елизавета поступила как истинно мудрая женщина: она просто не обращала внимания на Тору и вела себя так, будто ее и вовсе не существует. Она приняла на себя все королевские заботы и даже крестилась у священника-латина [14], приняв новое имя – Эмма. Теперь ее называли то Эллисаф, то Эмма.

А вскоре заезжий звездочет предсказал Гарольду, что смерть ему принесет женщина, которая подведет его в бою. И храбрец стал поосторожнее в обращении с прекрасным полом. Тора между тем умерла, и больше никто не отвлекал внимания Гарольда от Эллисаф. А она в благодарность за это воспитывала Олафа и Магнуса как родных сыновей.

Елизавета с мужем жили в любви и согласии двадцать лет. Все это время Гарольд Гардрад был королем, которого называли

могущественным, сильным, твердым разумом. Современники уверяли, что не было на свете никого, кто сравнился бы с ним мудростью и в то же время храбростью. Хотя он был суров и порою жесток с теми, кто противился его воле.

Поскольку Гарольд был ярым приверженцем христианства, церковь удостоила его высокой чести: служить хранителем гроба Олафа Святого, короля, который был канонизирован за свои мучения и подвиги. Каждые двенадцать месяцев Гарольд стриг волосы и ногти святого, отраставшие и после его смерти.

Настал 1066 год. И вот скучно стало Гарольду мирно сидеть на троне, захотелось тряхнуть стариной и изведать каких-нибудь приключений. Он отправился в Англию… Иные, впрочем, уверяют, что поехал он не сам по себе, а позвал его на помощь герцог Тостиг, брат английского короля Гарольда Годвинсона, который взошел на престол после смерти Эдуарда Исповедника. Гарольд изгнал брата из его владения Нортумбрии за жестокость в обращении с населением, и Тостиг был готов на все, чтобы отомстить. Он был сладкоречивым вруном, который оболгал брата, – и, увы, как следует заморочил голову норвежцу. Гарольд Гардрад выступил против английского короля, уверенный, что помогает благому делу. Он собрал дружину и двинулся в путь на доброй тысяче драккаров [15]. Но жажда вновь услышать ветер, веющий над полем битвы, сыграла с ним дурную шутку.

Елизавета не захотела расставаться с мужем и отправилась вместе с ним, взяв с собою и дочерей. Однако когда норвежские драккары достигли Оркнейских островов, супруги вспомнили предупреждение звездочета. Бог его знает, какой смысл он вкладывал в эти слова о предательстве женщины! Вдруг королева окажется захвачена врагами и Гарольд погибнет, пытаясь освободить ее?

Вообще, были и другие предзнаменования, на которые следовало обратить внимание. Будто бы кто-то видел на оконечности какого-то скалистого острова старуху в лохмотьях, которая махала вслед кораблю руками и выкрикивала что-то недоброе. Ну сущая вёльва [16], которая пророчит Рагнарёк [17]!

На всякий случай Елизавета с дочерьми остались на Оркнеях и принялись с трепетом ждать известий от своего господина.

Норвежцы высадились на севере страны – в Йоркшире, – а навстречу им уже двигался Гарольд Годвинсон. Войска сошлись у Страффордского моста. Надо сказать, что тут встретились не только два великих воина высокого роста и богатырского сложения, но и два великих поэта. Для начала они обменялись не ударами, а поэтическими вызовами. Гарольд Английский воспевал саксонских ратников, бывших хлебопашцев или

ремесленников, которые с топорами встали на защиту своих очагов. А Гаральд Норвежский пел о своих воинах-героях, которые устали от тишины и не будут прятаться за щитами:

Кто воин в душе,
Тот ищет упоенья
В любви и битвах
На корабле морском.
Не тишины, а бури
Прекрасной ищет он.
Пусть враг не ждет
Коленопреклоненья!
Не прячься, сердце, за щитом!
Внемли, как рог зовет на бой,
Грохочет в небе гром…

Гаральд воспел также свой непобедимый меч Ярицлейв – надо сказать, что викинги любили называть оружие и доспехи именами друзей и великих воинов, а также возлюбленных. Меч звался именем киевского князя. Боевой топор именовался, конечно, Олаф Святой. Боевые рукавицы звались в честь Марии и Ингигерды. Ну а кольчугу свою – великолепное изделие норвежских мастеров, сплетенную настолько плотно, что никакая стрела не могла бы пробить звеньев! – Гаральд назвал именем жены. Не тем, прежним, православным, а новым: Эмма.

Случилось так, что, выезжая покрасоваться перед англичанами, Гаральд вдруг упал с коня, который испугался полевой мыши, выскочившей из своей норки. Конечно, это привело англичан в восторг, а норвежцы помрачнели. Это было дурное предзнаменование!

Английский король, как ни был зол на своего брата-предателя, вспомнил в эту минуту об узах крови и послал своих людей к вражьему войску поговорить с Тостигом. Он просил его одуматься, обещал полное прощение, если тот оставит вражеские ряды. Клялся, что отдаст ему треть королевства…

Честолюбивый Тостиг нахмурился. Трети королевства ему было мало!

– А что брат обещал моему союзнику, королю Гаральду Норвежскому? – спросил он, желая выиграть время для раздумья.

– Семь футов английской земли! – закричал рыцарь, приехавший на переговоры. – Или чуть-чуть побольше – ведь он такого высокого роста!

Эта насмешка возмутила Тостига до глубины души, и он яростно закричал:

– Скажи моему брату, что сын Годвина не предаст сына Сигурда!

На этом переговоры закончились.

И вот началось сражение. Воины с обеих сторон воистину сражались как львы! Гарольд Гардрад был в центре битвы, и в это время стрела, выпущенная меткой рукой английского лучника, вонзилась ему в горло.

Увы! Сплетена-то его кольчуга была плотно и надежно, а вот вырез у нее оказался слишком глубок. Гарольд захлебнулся собственной кровью. Так Эмма предала своего господина и стала причиной его смерти. Предсказание сбылось!

Гибель вождя, который казался непобедимым, повергла норвежцев в трепет. Однако они продолжали сражаться под командованием Тостига, мечтая отомстить за своего конунга. Однако победить разъяренных англичан было уже невозможно. Вскоре был убит и мятежный Тостиг.

Тогда норвежцы поняли, что проиграли. Олафу, сыну Гарольда, кое-как удалось собрать их и увести с поля битвы. Викинги спешно погрузились на драккары (из тысячи, приплывших к английским берегам, отчалили только двадцать четыре, настолько сокрушительным было поражение!) и увезли тело своего конунга на Оркнейские острова, где их встретила Елизавета, одетая в глубокий траур… по дочери Марии. Потом выяснилось, что девушка неожиданно скончалась именно в ту минуту, когда отец погиб в бою.

На драккаре под черным парусом (таков был обычай в северных странах, если с поля боя везли убитого конунга) Елизавета отправилась в обратный путь – в Упсалу. Это было последнее странствие ее неистового мужа…

Конечно, Елизавета не могла знать, что историки будущего назовут его северным Одиссеем. Она знала только, что жизнь ее и счастье закончились. Королем теперь станет Олаф. А она… она выдаст замуж Ингигерду – и тогда спокойно сможет отправиться вслед за ненаглядным мужем. Надо только набраться терпения и подождать часа их загробной встречи.

Она хорошо умела ждать. Ведь ждала целых десять лет, пока Гарольд вернется из Византии. А теперь осталось недолго. Елизавета ощущала это всем своим надорванным сердцем. Незряче смотрела в темно-зеленые морские волны, делая вид, что это не безмерная печаль, а свирепый ветер выбивает из ее глаз слезы, и беззвучно шептала:

Вы, други, видали меня на коне?

Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на буром питомце пустыни
Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?
Железом я ноги мои окриляя,
И лань упреждаю по звонкому льду,
И, хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный, по морю иду!
А дева русская Гаральда презирает…

* * *

Елизавета искренне верила в то, что не заживется на этом свете. Но… человек предполагает, а Бог располагает. Год Эллисаф носила траур по мужу, а потом стала женой датского короля Свена II.

notes

Примечания

1

Эти стихи действительно сложены викингом и скальдом, то есть поэтом, Гаральдом Гардрадом. Перевод Г. Батюшкова.

2

Титул у скандинавов, который соответствует русскому графу.

3

Ярослав, по прозвищу Мудрый (978—1054) – князь новгородский и киевский, один из образованнейших людей своего времени. В его правление на Руси был создан первый письменный свод законов, известный в истории под названием «Русская Правда».

4

Иногда жену Ярослава Мудрого называют Ириной, однако это имя она приняла только после пострижения в монахини, а в православную веру была крещена под именем Анны.

5

С датчанами.

То есть колосья.

7

Вежливо.

То есть византийцев.

9

То есть Сицилийской.

10

То есть начальника этерии – дворцовой гвардии.

11

Имеется в виду персонаж греческой мифологии, девушка, утонувшая в водах пролива, который раньше назывался по ее имени Геллеспонт, а потом стал зваться Дарданеллами.

12

Иногда это прозвище переводят как Строгий, Суровый и даже Жестокий.

13

Старинное название Норвегии.

То есть римлянина, католика: христианская религия в те времена разделялась на греческую и латинскую, в зависимости от некоторых незначительных тонкостей в отправлении обрядов.

15

Так назывались многовесельные ладьи викингов, очертаниями напоминавшие птиц и носившие имена драконов и змей.

16

Вёльва – бессмертная прорицательница скандинавских саг.

17

Рагнарёк – сумерки богов, конец мира.